

УДК 821.111

ГОТИЧЕСКАЯ СРЕДА РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»

Д.А. НОВИКОВА

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)

Рассматривается готическая среда романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» (*Jane Eyre*, 1847). Анализируются детальные черты и признаки готического романа.

Роман «Джейн Эйр» начинается строками: «There was no possibility of taking a walk that day. We had been wandering, indeed, in the leafless shrubbery an hour in the morning; but since dinner (Mrs. Reed, when there was no company, dined early) the cold winter wind had brought with it clouds so sombre, and a rain so penetrating, that further out-door exercise was now out of the question»¹ [1, p. 7]. Читатель погружается в мрачную атмосферу. Зима, воеет холодный ветер, небо затянуто угрюмыми тучами и льет дождь, который, казалось бы, не закончится никогда. Обстановка, окружающая Джен Эйр, ярко выражена в погодных условиях. Вечные притязания тети Рид и ее сына давят на девочку, поэтому внутренние переживания Джен Эйр Ш. Бронте выразила посредством изменений в природе.

Единственным занятием маленькой Джен Эйр было чтение, в котором она уединялась сама с собой, изучая окружающую среду, потому что сами книги ее мало интересовали: «At intervals, while turning over the leaves of my book, I studied the aspect of that winter afternoon. A far, it offered a pale blank of mist and cloud; near a scene of wet lawn and storm-beat shrub, with ceaseless rain sweeping away wildly before a long and lamentable blast»² [1, p. 7].

Даже те книги, которые по своему детскому видению выбирала Джен Эйр, были весьма «холодны» своим содержанием, природа была схожа с той, что окружала девочку, она имела огромное непреодолимое желание узнать новое, другое, то, что за пределами ее дома:

«Where the Northern Ocean, in vast whirls,
Boils round the naked, melancholy isles
Of farthest Thule; and the Atlantic surge
Pours in among the stormy Hebrides»³ [1, p. 8].

В этих же книгах находят свое отражение и фантастические черты, присущие готическому роману. Джен Эйр читает о кладбище, призраках и сатане, что находит весьма увлекательным для ребенка. Глубокий интерес, желание и хорошее воображение в полной мере воссоздают те самые эпизоды в ее голове: «I cannot tell what sentiment haunted the quite solitary churchyard, with its inscribed headstone; its gate, its two trees, its low horizon, girdled by a broken wall, and its newly-risen crescent, attesting the hour of eventide»⁴ [1, p. 9]; «The two ships becalmed on a torpid sea, I believed to be marine phantoms»⁵ [1, p. 9].

Само поместье Гейтсхэдхолл, в котором маленькая Джен Эйр проживала у своей тети Рид, не вызывает никаких положительных воспоминаний у уже взрослой Джен Эйр. Оно было таким же холодным и мрачным, как и все, что его окружало, и таким же безжалостным, как и его жители. Джен Эйр говорила, что совершенно не подходила этому месту и не имела ничего общего с ним. Именно в Гейтсхэдхолле за свои «проступки» Джен Эйр каждый раз отправлялась в красную комнату. Когда-то в этой комнате испустил свой последний вздох ее покойный дядя Рид. Именно в смерти мистера Рида и состоит загадка этой комнаты, что является еще одним подтверждением того, что роман имеет связь с готическим жанром. Красную комнату старались обходить, и ее единственным и самым частым посетителем была сама

¹ «В этот день нечего было и думать о прогулке. Правда, утром мы еще побродили часок по дорожкам облетевшего сада, но после обеда (когда не было гостей, миссис Рид кушала рано) холодный зимний ветер нагнал угрюмые тучи и полил такой пронизывающий дождь, что и речи не могло быть ни о какой попытке выйти еще раз» [2, с. 5].

² «Перевертывая страницы, я время от времени поглядывала в окно, наблюдая, как надвигаются зимние сумерки. Вдали тянулась сплошная завеса туч и тумана; на переднем плане раскинулась лужайка с растрепанными бурей кустами, их непрерывно хлестали потоки дождя, которые гнал перед собой ветер, налетавший сильными порывами и жалобно стонавший» [2, с. 6].

³ «Где ледяного океана ширь / Кипит у островов нагих и диких, / На дальнем севере; и низвергает волны / Атлантика на мрачные Гебриды» [2, с. 6].

⁴ «Неизъяснимый трепет вызывало во мне изображение заброшенного кладбища: одинокий могильный камень с надписью, ворота, два дерева, низкий горизонт, очерченный полуразрушенной оградой, и узкий серп восходящего месяца, возвещающий наступление вечера» [2, с. 7].

⁵ «Два корабля, застигнутые штилем в недвижном море, казались мне морскими призраками» [2, с. 7].

Джен Эйр: «...Mrs. Reed herself, at far intervals, visited it to review the contents of a certain secret drawer in the wardrobe, where were stored divers parchments, her jewel-casket, and a miniature of her deceased husband; and in those last words lies the secret of the red-room – the spell which kept it so lonely in spite of its grandeur» [18, p. 15]. «Mr. Reed had been dead nine years: it was in this chamber he breathed his last; here he lay in state...and, since that day, a sense of dreary consecration had guarded it from frequent intrusion»⁶ [1, p. 15].

Джен Эйр всегда казалось, что в этой комнате есть призрак, поэтому каждый раз она испуганно сидела на стуле со своей куклой и ждала, когда же ее наконец-то выпустят: «I then sat with my doll on my knee till the fire got low, glancing round occasionally to make sure that nothing worse than myself haunted the shadowy room...»⁷ [1, p. 31].

Несмотря на свою историю и безлюдность, красная комната была одной из самых больших и роскошных комнат Гейтсхэдхолла. Почти вся мебель была обтянута алой и красной тканью. В комнате вечно царил холод и тишина. Массивные предметы, тяжелые шторы, ковры делали комнату и без того мрачной и навевали еще больший страх: «The red-room was a square chamber, very seldom slept in, I might say never, indeed, unless when a chance influx of visitors at Gateshead Hall rendered it necessary to turn to account all the accommodation it contained: yet it was one of the largest and stateliest chambers in the mansion. A bed supported on massive pillars of mahogany, hung with curtains of deep red damask, stood out like a tabernacle in the centre; the two large windows, with their blinds always drawn down, were half shrouded in festoons and falls of similar drapery; the carpet was red; the table at the foot of the bed was covered with a crimson cloth; the walls were a soft fawn colour with a blush of pink in it; the wardrobe, the toilet-table, the chairs were of darkly polished old mahogany...»⁸ [1, p. 14–15].

Затем Джен Эйр попадает в новое для себя место, которое по своему виду и первым впечатлениям ничуть не отличалось от привычного ей Гейтсхэдхолла, новая школа ей даже напоминала дом. Те же шторы, мебель из красного дерева. Дрожь, которая шла от этого места, окутывала все тело девочки. Дождь и ветер преследуют ее всю дорогу. Те переживания, которые таит в себе Джен Эйр, тот страх и дикая усталость ясно проявляются в погоде. Было сыро, туманно, холод пронизывал ее до самых костей. Наступали сумерки, вокруг были сплошные леса и холмы, как и в душе Джен Эйр – все пусто и невзрачно: «The afternoon came on wet and somewhat misty: as it waned into dusk, I began to feel that we were getting very far indeed from Gateshead: we ceased to pass through towns; the country changed; great grey hills heaved up round the horizon: as twilight deepened, we descended a valley, dark with wood, and long after night had overclouded the prospect, I heard a wild wind rushing amongst trees»⁹ [1, p. 46].

Сама школа была немного разрушенной, окна были решетчатые, оштукатуренные стены, голые полы, это было убежище для бедных сирот, своего будущего Джен Эйр не могла себе представить в этом месте: «I looked round the convent-like garden, and then up at the house – a large building, half of which seemed grey and old, the other half quite new. The new part, containing the schoolroom and dormitory, was lit by mullioned and latticed windows, which gave it a church-like aspect...»¹⁰ [1, p. 53].

Первое впечатление было испорчено, когда был подан обед. В целях гуманного воспитания воспитанницам Ловудской школы полагалась такая же «гуманная» еда в совсем непримечательной столовой, которая тоже является частью готической среды: «The refectory was a great, low-ceiled, gloomy room; on two long tables smoked basins of something hot, which, however, to my dismay, sent forth an odour far from

⁶ «С тех пор, как умер мистер Рид, прошло девять лет; именно в этой комнате он испустил свой последний вздох; здесь он лежал мертвый...и этого дня чувство какого-то мрачно благоговения удерживало обитателей дома от частых посещений красной комнаты» [2, с. 13].

⁷ «А я сидела с куклой на коленях до тех пор, пока не угасал огонь в камине, и испуганно озиралась, так как мне чудилось, что в полутемной комнате находится какой-то страшный призрак» [2, с. 29].

⁸ «Красная комната была нежилой, и в ней ночевали крайне редко, вернее – никогда, разве только наплыв гостей в Гейтсхэдхолле вынуждал хозяев вспомнить о ней; вместе с тем это была одна из самых больших и роскошных комнат дома. В центре, точно алтарь, высилась кровать с массивными колонками красного дерева, завешенная пунцовым пологом; два высоких окна с всегда опущенными шторами были наполовину скрыты ламбрекенами из той же материи, спускавшимися фестонами и пышными складками; ковер был красный, стол в ногах кровати покрыт алым сукном. Стены обтянуты светло-коричневой тканью с красноватым рисунком; гардероб, туалетный стол и кресла – из полированного красного дерева...» [2, с. 12].

⁹ «Сырой и туманный день клонился к вечеру. Когда надвинулись сумерки, я почувствовала, что мы, должно быть, действительно далеко от Гейтсхеда: мы уже не проезжали через города, ландшафт менялся; на горизонте вздымались высокие серые холмы. Но вот сумерки стали гуще, дилижанс спустился в долину, поросшую лесом, и когда вся окрестность потонула во мраке, я еще долго слышала, как ветер шумит в деревьях» [2, с. 44].

¹⁰ «Я обвела взором этот по-монастырски уединенный сад, затем взглянула на дом, одна часть которого казалась одряхлевшей и ветхой, другая – совершенно новой. В этой новой части, где находились классная и дортуар, были стрельчатые решетчатые окна, как в церкви...» [2, с. 51].

inviting. I saw a universal manifestation of discontent when the fumes of the repast met the nostrils of those destined to swallow it...»¹¹ [1, p. 49].

Зима была жестока по отношению к воспитанницам Ловуда. Суровые морозы, сильный ветер, дожди преследовали Джен Эйр. Все это нагнетало ее состояние и ухудшало еще больше. Холод сжимал сердце бедной девочки, эти муки казались ей вечными. Она была заключена в эти стены, а природа, как настоящая готическая злодейка, не жалела Джен Эйр: «My eye passed all other objects to rest on those most remote, the blue peaks; it was those I longed to surmount; all within their boundary of rock and heath seemed prison-ground...»¹² [1, p. 94].

Со временем Джен Эйр не изменила своего мнения о школе. Нездоровая местность, плохая пища, тяжелые условия жизни привели к тому, что Ловуд стал обителем болезни – началась эпидемия тифа: «...disease had thus become an inhabitant of Lowood, and death its frequent visitor; ...there was gloom and fear within its walls; ...its rooms and passages steamed with hospital smells, the drug and the pastille striving vainly to overcome the effluvia of mortality...»¹³ [1, p. 84–85].

Торнфильдхолл явился новым убежищем для Джен Эйр. Там она нашла работу гувернантки и стала обучать юную Адель. Жизнь Джен Эйр проходила умеренно и однообразно. В сравнении с Гейтсхэдхоллом и Ловудской школой Торнфильдхолл казался потрясающим домом, на его фоне Джен Эйр выглядит слабой и беспомощной, он является типичным готическим поместьем, которому присущи уединенность, глубинные длинные коридоры, пустые комнаты, некоторая мрачность, множество тайн и потайных мест: «It was three storeys high, of proportions not vast, though considerable: a gentleman's manor-house, not a nobleman's seat...»¹⁴ [1, p. 110].

Дом был стар, он давно потерял былую привлекательность, миссис Фэйрфакс утверждала, что дому нужен хозяин, иначе это красивое место будет совсем забыто: «...it is a pretty place; but I fear it will be getting out of order, unless Mr. Rochester should take it into his head to come and reside here permanently; or, at least, visit it rather oftener: great houses and fine grounds require the presence of the proprietor»¹⁵ [1, p. 111].

Стены Торнфильдхолла были украшены множеством картин, если два этажа дома были хоть как-то обжиты, то третий этаж пустовал. Маленькие, тесные комнаты были темными и низкими, в них царил дух старины. Тишина и мрак привлекали Джен Эйр, повсюду были изображения странных птиц, цветов и человеческих существ. Все кажется таким фантастическим, поэтому девушке не хотелось бы провести ночь в одной из этих кроватей: «I liked the hush, the gloom, the quaintness of these retreats in the day; but I by no means coveted a night's repose on one of those wide and heavy beds: shut in, some of them, with doors of oak; shaded, others, with wrought old English hangings crusted with thick work, portraying effigies of strange flowers, and stranger birds, and strangest human beings, – all which would have looked strange, indeed, by the pallid gleam of moonlight»¹⁶ [1, p. 117].

Шорохи, крики, безумный смех преследуют Джен Эйр в Торнфильдхолле. Практически каждую ночь она просыпалась от неизвестных звуков, после которых мало когда удавалось снова уснуть: «This was a demoniac laugh – low, suppressed, and deep-uttered, as it seemed, at the very keyhole of my chamber door. The head of my bed was near the door, and I thought at first the goblin-laughter stood at my bedside – or rather, crouched by my pillow: but I rose, looked round, and could see nothing; while, as I still gazed, the unnatural sound was reiterated: and I knew it came from behind the panels»¹⁷ [1, p. 164].

¹¹ «Столовая была большая, низкая, угрюмая комната. На двух длинных столах стояли, дымясь паром, мисочки с чем-то горячим, издававшим, к моему разочарованию, отнюдь не соблазнительный запах. Я заметила общее недовольство, когда аромат этой пищи коснулся обоняния тех, для кого она была предназначена...» [2, с. 47].

¹² «Мои глаза миновали все остальное и остановились на самом дальнем – на голубых вершинах: через них хотелось мне перебраться. Все заключенное в пределах этих скал и пустынных лесов показалось мне тюрьмой...» [2, с. 90].

¹³ «...жестокая болезнь стала постоянной обительницей Ловуда, а смерть – его частой гостьей, ...в его стенах царил страх и уныние, а коридорах и комнатах стояли больничные запахи, которые нельзя было заглушить ни ароматичными растворами, ни курениями...» [2, с. 81].

¹⁴ «Дом был трехэтажный, не слишком большой, но внушительный: не замок вельможи, а усадьба джентельмена...» [2, с. 106].

¹⁵ «...я боюсь, что, если мистер Рочестер не надумает окончательно здесь поселиться или хотя бы чаще наезжать сюда, все придет в упадок: такие дома и парки требуют постоянного присутствия хозяина» [2, с. 107].

¹⁶ «Днем мне очень нравился полумрак, тишина и своеобразная обстановка этих комнат, но я бы ни за что не согласилась провести ночь на одной из этих широких массивных кроватей. Некоторые из альковов имели стены и дубовые двери, другие были завешены старинными гобеленами с изображением странных цветов, еще более странных птиц и уж совсем странных человеческих существ, – все это вместе должно было казаться поистине фантастическим при бледном свете луны» [2, с. 113].

¹⁷ «Раздался сатанинский смех – тихий, сдавленный, глухой. Казалось, он прозвучал у самой замочной скважины моей двери. Кровать находилась недалеко от входа, и мне сначала почудилось, что этот дьявольский смех раздался совсем рядом, чуть ли не у моего изголовья; я поднялась, огляделась, однако ничего не увидела. Но вот зловещие звуки повторились: я поняла, что они доносятся из коридора» [2, с. 160].

Как оказалось, за всем своим величием, дом скрывает множество потайных комнат, в одной из которых оказывается сумасшедшая жена мистера Рочестера. Эта тайна хранилась на протяжении многих глав, как и присуще готическому роману: «He lifted the hangings from the wall, uncovering the second door: this, too, he opened. In a room without a window...»¹⁸ [1, p. 322].

После того, как будущее Джен Эйр было разрушено, природа снова ополчилась против всех. Начались холода, когда-то усыпанные цветами поля, покрылись снегом, все помрачнело, как и душа Джен Эйр: «A Christmas frost had come at midsummer; a white December storm had whirled over June; ice glazed the ripe apples, drifts crushed the blowing roses; on hayfield and cornfield lay a frozen shroud: lanes which last night blushed full of flowers, to-day were pathless with untrodden snow; and the woods, which twelve hours since waved leafy and fragrant as groves between the tropics, now spread, waste, wild, and white as pine-forests in wintry Norway»¹⁹ [1, p. 325].

Таким образом, готическое пространство широко изображено в произведении Ш. Бронте «Джен Эйр». Массивные поместья ярко передают готический дух и захватывают, они хранят множество секретов и тайн. Историзм и старина пронизывают коридоры, комнаты и просторные гостиные каждого дома. Дух каждого из домов по своему влияет на состояние их жильцов и на саму Джен Эйр. Каждый раз, переезжая в новое место, она начинала новую жизнь. Гейтсхэдхолл, Ловуд и Торндфильдхолл представляют собой три этапа жизни Джен Эйр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brontë, Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë. – London : Penguin Classics, 2006. – 499 p.
2. Бронте, Ш. Джен Эйр. ; пер. с англ. В. Станевич / Ш. Бронте. – М. : Оракул, 1992. – 494 с.

¹⁸ «Он раздвинул гобелены на стене, под которыми оказалась вторая дверь. Ее он тоже открыл. Перед нами была комната без окон...» [2, с. 319].

¹⁹ «Среди лета грянул рождественский мороз, белая декабрьская метель пронеслась над июльскими полями, мороз сковал зрелые яблоки, ледяные ветры сорвали расцветающие розы, на полях и лугах лежал белый саван, поляны, еще вчера покрытые цветами, сегодня были засыпаны глубоким снегом, и леса, которые еще двенадцать часов назад благоухали, как тропические рощи, теперь стояли пустынные, одичалые, заснеженные, как леса Норвегии зимой» [2, с. 322–323].